

The image features a decorative border of red roses on black branches with green leaves, framing the central text. The roses are stylized with multiple layers of petals, and the branches are thin and curving. The leaves are simple, pointed shapes.

В. Ф. Власов

Мир с двух сторон

Мудрость даосов. Книга 3

12+

Владимир Фёдорович Власов

Мир с двух сторон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42097783

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы все уже давно имеем внутри себя механические сердца, так как привыкли смотреть на этот мир традиционным взглядом, который уже не замечает ничего природного. Человек, который перестаёт видеть природу, перестаёт быть человеком, так как теряет свой внутренний мир. От этого происходят все наши беды. Несмотря на множество религий, мы в наше время не становимся мудрее и лучше тех, кем раньше были наши предки. Забывая истинную свою природу, мы превращаемся в животных. Об этом говорило учение Дао ещё несколько тысяч лет назад.

Содержание

Предисловие	4
Рассуждения мудрецов	6
1. У коня копыта	6
2. Небытие	11
3. О пути Дао	12
4. Дерево на горе	14
5. Сохранение вещи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Предисловие

Натурфилософский взгляд даосов на мир в чём-то схож, а в чём-то отличается от древнеиндийской философской мысли. Если у индусов Атман – это тончайшая основа всего, тончайшая субстанция в человеческом сознании, вездесущая и обязательная, и достигнуть её можно не с помощью изучения или рассуждений, а посредством напряжённой внутренней мысли, как бы приобщаясь к божественной и бестелесной основе Пуруша, движущей силе всего сущего (то есть, всё, что было, что есть и что будет в феноменальном мире), и чьей первоосновой и является Атман, то Дао является непознанная, но познаваемая природная первооснова Пути, в котором даос овладевает Истиной «с белого листа», хотя и тоже посредством напряжённой внутренней мысли.

В Дао нет ни учителей, ни богов, ни учений, а есть лишь сам Путь познания жизни своим собственным умом и опытом, что исключает любое «механическое научение». Это, прежде всего, личное наблюдение за природой, открытие законов на основе своего собственного опыта, это – личное взаимодействие с природой, подражание природе. Так или иначе, в человеческом сознании во всех учениях существует два мира: мир внутренний и мир внешний. И мы вынуждены действовать одновременно на двух полях: на поле природы и на поле культуры, из-за чего мир внешний (природный) и

мир (человеческий) культурный не всегда гармонически взаимно связываются, так как сами традиции возникают на основе человеческого мира, и часто бывают несовершенными, из-за наших заблуждений, когда естество заменяется «механикой» и иллюзиями, порождёнными нашим сознанием. Мы начинаем придумывать богов, создавая себе кумиров, и делаем то, что привыкли всегда делать, совсем не думая о том, что мы делаем.

Дао освобождает человека от этих ошибок, а именно, человек каждый раз смотрит на мир, на себя и на все свои действия по-новому, как бы заново родившись, что и увеличивает его творческий потенциал многократно. Он начинает замечать изменения в природе и в мире и понимает то, что происходит вокруг него. Как говорят даосы: «видит невидимое, слышит неслышимое». Даос привязан к своему природному началу, поэтому он изначально добр и справедлив, ибо считает, что природное дао, «как солнц, берёт всё у богатых и дарит бедным, а человеческое дао забирает всё у бедных и отдаёт богатым».

К этому можно только добавить, что человек, по своей природе, высшее существо в Космосе, но для того, чтобы почувствовать своё предназначение, нужно заглянуть в себя и постараться забыть своё «я», очистить своё сердце от всего нечестивого, избавиться от своей самости – «ван-во». Только при этом условии можно соединиться со всей Вселенной, став даосом, и обрести бессмертие.

Рассуждения мудрецов

1. У коня копыта

(согласно размышлениям Чжуанцзы)

Копыта у коня есть, отдаваясь в скачке бегу,
Препятствия естественные преодолевает,
Поэтому ступает он по инею и снегу,
От холода и ветра его шкура защищает.
Он на дыбы встать может, когда что-то не по нраву,
Уж такова его в нём лошадиная природа,
Свободно скачет, воду пьёт, на воле щиплет траву,
И претят ему башни, битвы, множество народа.
Не любит он загоны, тренировочные залы.
Но человек его всегда насильно укрощает,
Клеймит, стреноживает, ему гриву подстригает,
Скакать всё приучает через пропасти, обвалы.
Копыта подрезает, бьёт и взнуздывать стремится,
То морит голодом и жаждой, в стойло запирает,
Из каждого десятка половина погибает,
И конь уже шлеи, удила и хлыста боится.
Пускает рысью и галопом, строй держать всё учит,
Коня лишь дрессированного лучшим он считает,

И так умеет человек не только лошадь мучить,
Но всё в природе от его воздействия страдает.

Так плотник мастерит свои изделия из леса,
Гончар – из глины, оружейник – из железа латы,
По циркулю – круги, по наугольнику – квадраты,
Прямые линии все соответствуют отвесу.

Но разве глина, дерево желают стать такими?

И нравится ли им с собой такое обращенье?

Но люди руководствуются знаниями своими,
И славят мастеров из поколения в поколение.

Ошибка это тех, кто Поднебесной нашей правит.

Я думаю, что мастер поступал бы по-другому,

Ведь постоянное в природе то, что люди славят,
Не может подвергаться что насилию любому.

И это всеми называться может общим свойством,
Ведь люди вечно будут ткать, и в травы одеваться,

Возделывать свои поля, растениями питаться,

Живя, и жизнь свою не омрачая беспокойством.

Ведь жил народ в единстве и на группы не делился,

И это всё естественной свободой называлось,

Тот золотой век долго в упоённом счастье длился,

И радость единенья в каждом сердце отзывалась.

Поэтому тогда всё богатело неуклонно,

Все обладали свойствами природы непременно,

Смотрели твёрдо, во всём поступали непреклонно,

Ходили медленно в своём достоинстве, степенно.

Тогда в горах ещё дорог не пролагали,
Мостов не строили и своих лодок не имели.
Все жили вместе и во всём друг другу помогали,
Трудились сообща, и вместе одни песни пели.
Держались птицы стаями, а звери все – стадами,
Деревья, травы и кусты во всю длину стояли,
Борозд или границ не пролегало меж полями,
Разграничения ещё меж этим всем не знали.
Поэтому гуляли все, друг друга не боялись,
Со всеми жили люди, род единый составляли,
На благородных и ничтожных всех не разделяли,
Живя в единстве среди всех, собою оставались.
Народ так в безыскусности свою хранил природу,
По жизни знаньями природными овладевая,
Свободный от страстей, и, своих свойств не нарушая,
Стремился оказать содействие любому роду.
Когда ж родились мудрецы, прихрамывать все стали,
Ходить вокруг и около – вдруг стало милосердьем,
Ходить на цыпочках – за справедливость признавали,
Ввели обряды, и за свойства все взялись с усердьем.
И сразу в Поднебесной вдруг затмение настало,
Пришло всё в замешательство, родилось принужденье,
Распушенность с излишествами стали наслажденьем,
Все стали разобщёнными, и равенство пропало.
А ведь до тех пор, пока кони жили на просторе,
Они щипали траву, пили воду, громко ржали,

Сплетали шеи и ласкались, радуясь на воле,
Сердились, поворачиваясь задом, и лягали.
И только в этом в жизни состояли их значенья.
Когда ж надели им ярмо, заставив покоряться,
Побоями и изнуреньем начали ученье,
То сразу они стали рвать поводья и брыкаться.
Ярмо ломая, шею выгибали и кусались,
И скоро обучились всем разбойничьим повадкам,
Так знанья человека все с трудом приобретались,
Конь научился человеческим всем недостаткам.
Так и народ когда ещё свободным оставался,
Жил вольно, как и что делать ему, ещё не зная,
Наевшись досыта, он на прогулки отправлялся,
Куда ему идти, и что искать – не сознавая.
Жизнь и его способности все в этом состояли,
Когда ж возникли мудрецы и начали ученья,
То всех обрядам, музыке, поклонам обучали,
Чтоб в преклоненье их исправить формы поведенья.
Ввели для всех порядки в Поднебесной повсеместно,
Для радости всеобщей – справедливость с милосердьем,
Чтобы в народе каждый занимал своё лишь место,
Которое всегда бы подтверждал своим усердьем.
Своей системой так, соперничество развивая,
Всех приручали, насаждая этикет служивый.
Народ ходить начал вокруг и около, хромя,
И пристрастился к знаньям и погоне за наживой.

Народ в сознании прихрамывать стал и бояться,
По сторонам глядеть и слушать, что другие скажут,
Так перестали все сами собою оставаться,
И стали следовать тому, что мудрецы укажут.

2. Небытие

(согласно рассуждениям Чжуанцзы)

Когда Свет молодой родился во Вселенной,
У Небытия о существовании спросил,
Того, что простиралось в Пустоте нетленной,
Но на вопрос свой ответа он не получил.
Он вглядывался пристально в темноту ночную,
Стараясь Небытия облик ясно воспринять,
Но видел Пустоту лишь и черноту слепую,
Не в состоянье был Небытия образа понять.
И, наконец, воскликнул в полном восхищенье:
– «Смотри день целый на него, и не увидишь,
Нельзя его потрогать, слушай, не услышишь,
Вот создал Боже совершенное творенье!
Как совершенство этого явления постигнуть?!
Способен быть я, или не быть, когда тень настигла,
Но чтоб абсолютно не быть – способности достигнуть
Мне не удастся, а Небытие её достигло».

3. О пути Дао

(согласно рассуждениям Чжуанцзы)

Раз Чистота у Бесконечности спросила:

– «Знаешь ты, что есть Путь Дао, в чём его сила?»

Молвила та: «Не знаю», – боясь осмеянья,

Тот же вопрос задала она Недеянью.

– «Знаю», – ответило то, любуясь собою,

– «Знаешь? Скажи тогда, Путь, владеет судьбою?»

– «Да, – ответило то, – судьба может быть разделённой,

Презренной, несчастной, благородной, соединённой.

Есть, кто всемирно прославлен или безвестен,

Вот путь судьбы в этом мире, что мне известен».

Вновь Чистота у Безначального вопрошала:

– «Кто ж из них прав?» – разобраться бы мне не мешало.

– «Глубже Незнание, а Знание мельче, – то возгласило, –

Знание – во внешнем, Незнание – внутри, в нём скрыта

вся сила».

В этот момент Чистота со вздохом сказала:

– «Я ищу Знание незнания, как Путь Идеала,

В мире ведь Знание незнания есть, и нет в нём сомненья,

В Знание – незнание, самодовольство и заблужденье.

Кто ж в этом мире познает Знание незнания?»

И Чистота на Путь обратило вниманье:

– «Путь – это то, ведь, что не видит никто и не слышит.
Путь – это, что невидимо и молчания тише,
Путь если виден и слышен, то это, просто, химера,
Это – не Путь, а некая форму обретшая сфера,
Истинный Путь выразить вряд ли можно словами,
Путь есть в нас, или вне нас, без нас он, или же с нами.
Тот, кто то, что форме форму даёт в мире, узнает,
В мыслях «Путём Великим» словами не называет.
Кто б ни спросил его о Пути, он не отвечает,
Тот, кто не видел Пути, говорит, что его знает,
Каждый, кто ищет, не зная свой Путь, в тупик попадает,
Так как Знанием внутренним сердце его не обладает.
Ясно, что он во внешнем Вселенную не наблюдает,
Как в своём внутреннем мире первоначала не знает.
О Пути Вечном знаний он вряд ли способен добиться,
Так как не сможет в странствие в Пустоте Вечной пустить-
ся».

4. Дерево на горе

(согласно размышлениям Чжуанцзы)

Бродя по склонам гор, Чжуанцзы дерево заметил,
С огромной кроной, пышными ветвями, густой листвой.
– «Почему не рубишь»? – спросил он лесоруба, встретив.
– «Ни на что не годно», – сказал тот, качая головой.
Друг приготовить для него решил гуся на ужин
Слуга спросил на дворе птичьем: «Какого выбирать»?
– «Но не того же, кто умеет петь, он нам не нужен.
Того, который петь не может, нам надобно поймать».
На день другой ученики учителя спросили:
– «Что не годится, дерево, жить дальше остаётся.
А вот негодной гусь для вас на ужин подаётся,
А как вы годность эту для себя определили»?
– «Себя бы поместил я между годным и негодным,
У нас меж годным и негодным нет определенья,
И в свойствах человека неизбежны затрудненья,
Поэтому я руководствуюсь свойством природным.
Но всё иначе, если странствовать, паря в эфире,
Природные все свойства оседлав, подобно буре,
Дракону иль змее, без славы и хулы жить в мире,
Со временем меняясь вместе в собственной натуре.
Не соглашаясь одному чему-либо предаться,

Паря и странствуя в гармонии с истоком вещим,
В среде вещей самим собой я буду оставаться,
Как вещь рядом с вещью буду, а не как вещь для вещи.
Откуда же со мной тогда возьмутся затрудненья?
Ведь были ж у нас раньше независимые предки,
В ту пору о годности не имели представленья,
И только на шкале времени ставили отметки.
Сейчас же мир иной, и дело обстоит иначе
С теми, кто говорит о тьме вещей и отношеньях
Друг с другом. Дела несут им одни лишь неудачи:
Единое разбито, созданное – в разрушенье.
Сейчас всех самых честных в обществе уничтожают,
Повсюду добродетельных перехитрить стремятся,
Везде достойных и почитаемых низвергают,
Всех бесполезных обмануть открыто не боятся.
Не обязательны разве тогда все затрудненья,
Когда все мы разделены на годных и негодных?
Вопрос этот предстаёт в свете ложного значенья.
Вам остаётся лишь одно всем – область свойств природ-
ных».

5. Сохранение вещи

(согласно рассуждениям Ян Чжу)

Наставник чжоуского царя Юй Сюн (1) царю заметил,
На речь того, что в мире ничего не происходит:
– «Я только что золотой лик солнца на рассвете встретил
Небесного светила, что вокруг земли обходит.
И нет начала и конца движенью и вращенью,
Кто ощутит тончайшие Вселенной измененья?
Ведь всё меняется от наполненья к растворенью.
В одном месте – утрата, то в другом – сил наполненье.
Утраты, избылье, полнота и недостаток,
Всё время следуют чередой, как в жизни, так и в смерти,
В движенье незаметном кто почувствует порядок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.